

Ю. Д. ЛЕБЕДЕВ

ФУ-НАН И НАЧАЛО ИСТОРИИ КАМБОДЖИ

В середине VI в. Камбоджа была вассальным государством страны, называвшейся в китайских источниках Фу-наном. Приблизительно в течение одного века вассал подчинил своего сюзерена, и имя этой страны с середины VII в. исчезает.

Действительное название Фу-нана, когда-то могущественного государства, одного из сильнейших в Юго-Восточной Азии, нам неизвестно, так как его самоназвание не сохранилось.

Фу-нан (точнее Фу-нань) — современное пекинское произношение двух иероглифов, которые в древности произносились приблизительно как Биу-нам¹, что, надо думать, представляет собой транскрипцию древне-кхмерского слова *bnam* (теперь *nhom*), означающего «гора». Священная гора возле столицы Фу-нана была известна далеко за его пределами, фунанские цари носили титул «Царей Горы». Но китайское наименование может обозначать и «Защищенный Юг».

Историческая наука начала заниматься Фу-наном сравнительно недавно. Более или менее подробно на нем остановился в конце XIX в. Ф. Гарнье². Затем этой страны коснулся Эмонье в первом томе своей работы «Камбоджа»³. Для правильного освещения истории Фу-нана тогда было недостаточно материала, и эти работы содержат грубые ошибки. Совершенно неверные мысли имеются и в большой статье Эмонье⁴, где он полностью отождествил Фу-нан с Камбождой, считая китайское наименование этой последней, Чжэнь-ла, синонимом обозначения Фу-нана, хотя китайские тексты никак не позволяют этого сделать: в них ясно говорится о том, что Чжэнь-ла (Камбоджа) сначала сделалась независимой от Фу-нана, затем заставила его перенести столицу к югу и, наконец, поглотила его. Пеллио⁵ перечисляет длинный ряд других ошибок Эмонье, делающих работы этого популярного автора непригодными для изучения Фу-нана.

Так как слово «Фу-нан» совершенно исчезает в VII в., то сами китайцы (так же, как и ранние европейские исследователи) впоследствии не знали, где находилось это государство. Если Гарнье и Эмонье помещают его на юге Индокитая, то прежде синологи искали его в Индонезии, затем в Бирме.

В 1903 г. появилась работа Пеллио, в основном представляющая добросовестный перевод на французский нескольких текстов китайских хроник, касающихся бывшего до этого загадочным Фу-нана⁶. Этим переводом мы и пользуемся в настоящей статье. Значение указанной работы вытекает из того обстоятельства, что никаких рукописных материалов от Фу-

¹ В. Karlgren, *Analytic dictionary of Chinese and Sino-Japanese*, Paris, 1923.

² Francis Garnier, *Les peuples orientaux connus des anciens chinois*.

³ E. Aymonier, *Le Cambodge*, vol. I, Paris, 1900.

⁴ См. «*Journal Asiatique*», janv.-fevr., 1903.

⁵ См. в частности: Paul Pelliot, *Deux itinéraires de Chine en Inde à la fin du VIII-e siècle*, «*Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême Orient*», IV, 1904, стр. 130—413.

⁶ Paul Pelliot, *Le Fou-nan*, «*Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême Orient*», III, № 2, 1903, стр. 248—303.

нана (равно как и от древнейшей Камбоджи) не сохранилось. В нескольких лапидарных фунанских надписях говорится только о религиозных вопросах. Китайские хроники являются, таким образом, почти единственным историческим источником. Они пролили неожиданный свет на забытую могущественную империю, пять веков бывшую одним из самых сильных государств Восточной Азии. Определилось местоположение Фу-нана. Наметилась хронология событий II—VII вв. Но Пеллио не дал связного изложения материала, в основном ограничившись публикацией китайских текстов с комментариями к ним.

Территория Фу-нана намного превышала территорию современной нам Камбоджи и включала юг Вьетнама (почти всю Кохинхину), большую часть Лаоса и Таиланда, а также, возможно, какой-то район Малаккского полуострова; центр находился в дельте и низовьях Меконга; на периферии находились небольшие вассальные государства, к которым относилась и Камбоджа, расположенная на севере. Кёдес⁷ показал, что одно время столицей Фу-нана был город, называвшийся на санскрите Вьядхатура (Vyādhapura, что означает «Город Охотников»), около горы Ба Пхном и современного селения Банам.

Фу-нан был самостоятельным государством, фактически не подчинившимся никакому другому. Приводимые Эмонье сведения об его занятии китайскими войсками между 125 и 110 гг. до н. э. лишены всякого основания: походы китайцев ограничивались Тонкином и Тямпой⁸.

Правда, цари Фу-нана посылали к китайскому двору посольства с дарами, которые, пожалуй, можно было считать небольшой данью, но данью добровольной, очень легкой, скорее просто знаком признания могущества великого государства; сама нерегулярность тщательно регистрировавшихся китайцами посольств с дарами подтверждает это: они отправлялись в 243, 268, 285, 286, 287, 357, 434, 435, 439, 503, 511, 514, 517, 519, 520, 530, 535, 539 гг. Впрочем, разрыв между 357 и 434, 439 и 503 гг. может быть объяснен отсутствием соответствующих материалов.

Существует предание, что первое фунанское посольство в Китай прибыло в 1110 г. до н. э. Пеллио считает его апокрифическим и думает, что установление связей Китая с Индокитаем произошло всего за несколько столетий до начала нашей эры.

Китайцы заинтересовались Индокитаем, и в частности Фу-наном, в связи с посольством Чжань Цзяна в западные страны во II в. до н. э. Это посольство следовало через Центральную Азию; достигнув Бактрианы, члены посольства увидели ткани из Юньнана и Сычуаня, которые, как им сказали, попали сюда через Индию. Доклад посла побудил китайцев искать южного пути на запад вместо трудного и опасного северного, на котором встречались угрожавшие караванам воинственные кочевники.

В культурном отношении Фу-нан был связан, однако, не столько с Китаем, сколько с Индией. В нем царствовали государи индийского происхождения, укоренились индийские религии, обычаи, литературный язык, письменность. Не подлежит сомнению, что в первые века нашей эры по крайней мере высшая прослойка жителей Фу-нана была индуизирована.

Как это произошло? Мы этого не знаем. Теперь считается, что тут происходило «мирное завоевание». Действительно, не осталось никаких свидетельств о насильственной колонизации, о постоянных политических связях Фу-нана с «метрополией». Напротив, уже в III в., как это будет видно из дальнейшего, путешествия в Индию кажутся исключением.

С другой стороны, нет и прямых индийских свидетельств о колонизации Индокитая, что было отмечено Фио еще в 1912 г. по поводу попы-

⁷ Georges Coedès, La tradition généalogique des premiers rois d'Angkor d'après les inscriptions de Yaçovarman et de Rājendravarmān, «Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient», XXVIII, 1929, стр. 124—160.

⁸ В литературе обычно встречается менее точная транскрипция — Чампа или Шампа.

ток⁹ представить Маурья как насильственных распространителей их власти на восток от Индии¹⁰.

Кёдес решительно склоняется к мысли, что наиболее ранней формой связи между Индией и Фу-наном были торговые связи, прежде всего в области закупки благовоний, которыми был богат Фу-нан¹¹. Кёдес отвергает возможность эмиграции из Индии, вызванной политическими причинами, например, вследствие занятия в III в. до н. э. Калинги Ашокой или распространения власти кушанов в I в. н. э. Однако следует сказать, что это предположение, выдаваемое за безусловную истину, пока ни защищать, ни опровергать не представляется возможным.

Но усиленные поиски Индией золота и благовоний могли ее заставить установить связь с Индокитаем, и в частности с Фу-наном, чему могло способствовать развитие мореплавания (с индийским флотом того времени по активности и техническим качествам мог бы сравняться только флот португальских мореплавателей более чем через тысячу лет). Играло роль и распространение буддизма, допускавшего соприкосновение с «нечистыми» иноземцами: раньше была очень сильна боязнь «оскверниться», а потому путешествия индийцев за пределы Индии были редки. Вероятно, Фу-нан посещали и миссионеры-буддисты, может быть, уже времен Ашоки.

Если обратиться к текстам, то сведения о воцарении в Фу-нана индийца мы находим в нескольких хрониках, в том числе в одном из древнейших китайских рассказов об этом государстве; он содержится в отчете о посольстве Кан Тая, посланного в эту страну в середине III в.; оригинал исчез довольно рано, но частичные пересказы сохранились в ряде китайских сборников и хроник.

П. Пеллио в одной из своих работ¹² приводит текст Кан Тая по рукописи 983 г. «Вначале Фу-нан имел государем женщину по имени Лю-е. Был человек страны Мо фу¹³, зовущийся Хуань-шень, который любил поклоняться духу (или духам; так обозначались брахманисты.— Ю. Л.), причем его ревность никогда не уменьшалась. Дух был тронут его великим благочестием. Ночью [он] увидел во сне, что человек (вероятно, ошибка: должно быть — «дух».— Ю. Л.) дал ему божественный лук и приказал взойти на большой торговый корабль и отправиться в море. Утром Хуань-шень проник в храм и у подножья дерева, посвященного духу, нашел лук. Тогда он взошел на большой корабль и отправился в море. Дух направил ветер так, что [корабль] прибыл в Фу-нан, Хуань-шень поднял божественный лук и выстрелил. [Стрела] пронзила судно [царицы] насквозь. Ислуганная Лю-е подчинилась, и таким образом Хуань-шень стал царем Фу-нана».

Все другие китайские рассказы о начале Фу-нана говорят о том же иностранце, прибывшем в эту страну, женившемся на местной девушке-царице и положившем начало династии. Имя героя в различных источниках претерпевает незначительные изменения. Считается вполне установленным, что это — транскрипция санскритского имени Каундинья (Kaundīnua).

Лю-е обычно переводится дословно как «Лист ивы», что для Камбоджи странно. В одном китайском тексте говорится даже о вине, приготовляемом в Индонезии из «ивы»; контекст, по Пеллио, не оставляет сомнения

⁹ См., например, Hermann Jacobi, Zur Frühgeschichte der indischen Philosophie, «Sitzungsbericht Berliner Akademie», 1911.

¹⁰ K. Finot, Les origines de la colonisation indienne en Indochine, «Bulletin de l'École Française d'Extrême Orient», XII, 8, 1912, стр. 1—4.

¹¹ G. Coedès, Les états hindouisés de l'Indochine et de l'Insulinde, Paris, 1948.

¹² Paul Pelliot, Quelques textes chinois concernant l'Indochine hindouisée, «École Française d'Extrême Orient, Etudes Asiatiques», t. II, стр. 243—263.

¹³ В других текстах наименование иное (например, Цзи), но все они не поддаются точной идентификации. Принято считать, что это государство было расположено в Индии.

в том, что дело идет в кокосовой пальме. По-видимому, Лю-е следует переводить, «Лист кокосовой пальмы».

Л. Фино¹⁴ довольно убедительно показал мифичность брака Каундиньи с Лю-е. Не исключена возможность, что эта легенда — индийского происхождения, тем более, что в несколько другом виде она была известна и в соседней Тямпе (санскритская надпись Ми-сона). Согласно этой надписи, Каундинья получил от брамина Ашватхамана (Aṣvatthāman) волшебный дротик; Каундинья бросил его, чтобы определить место будущей столицы, и женился на Соме (Somā — луна), дочери царя змей (наг). Женильба основателя царства на дочери змеиного царя — мотив, не раз встречающийся в индийских династических преданиях, в частности Паллавов. Вероятно, в основе рассказов о Каундинье лежит исторический факт воцарения индийского выходца. (Следует заметить, что род браминов Каундинья был очень известным и могущественным индийским родом.)

Когда это могло быть? Считается возможным, что в I в. н. э.

Но нам кажется, что слишком малое время прошло от I в. до исторических посольств в III в., чтобы могла укрепиться легенда со всеми ее неправдоподобными чертами, связанными со сном и волшебным луком; по некоторым китайским записям, Каундинье было достаточно только поднять свой лук, чтобы царица Фу-нана испугалась и сдалась.

Во всяком случае, в начале нашей эры Фу-нан был индуизирован; по крайней мере это касается высшей прослойки. Религиями, хорошо уживавшимися друг с другом, были буддизм и брахманизм.

Первый из более подробных дошедших до нас текстов, касающихся Фу-нана, содержится в «Цзинь шу» («История Цзиней», царствовавших в 265—419 гг.), составленной Фан Сюань-лином, жившим в 578—648 гг.

Там говорится¹⁵: «Царство Фу-нан находится на расстоянии более 3000 ли к западу от Тямпы у большого морского залива. Его территория имеет 3000 ли в ширину. Имеются города, обнесенные стенами, дворцы и жилые дома. Все мужчины некрасивы и черны; у них курчавые волосы; они ходят голыми и босыми. По своему нраву они просты, они совсем не воровы. Они занимаются сельским хозяйством. Один год они сеют и собирают урожай в течение трех [лет]. Сверх того они любят делать рельефные украшения и чеканить. Многие предметы, которыми они пользуются для еды, сделаны из серебра. Налог уплачивается золотом, серебром, жемчугом, благовониями. Они имеют книги и хранилища для архивов и другого. Знаки их письменности напоминают знаки ху¹⁶. Их похороны и свадьбы в общем справляются так же, как и в Тямпе».

Затем следует рассказ об иностранце, завладевшем при помощи волшебного лука, виденного во сне, царицей и царством, полностью сходный с приведенным выше (имена героев несколько изменены).

Потомки пришельца «ослабели и перестали царствовать. Военачальник Фань Синь основал новую династию».

После краткого упоминания о посольствах Фу-нана, привозивших китайскому императору изделия этой страны, говорится, что в начале периода, начинающегося 357 годом, восшедший на престол царь Чжу Чжаньтань отправил в Китай в виде дани ручных слонов. «Император, рассматривая диких животных дальних стран как источник зла для народа, приказал их ему возратить».

В заключение указывается, что Тямпа на юге граничит с Фу-наном. «Их племена очень многочисленны. Их дружественные отряды оказывают друг другу взаимную поддержку. Пользуясь характером местности, они не подчиняются [Китаю]».

¹⁴ Louis Finot, Sur quelques traditions indochinoises, Mélanges Sylvain Lévi, Paris, 1911, стр. 193—212.

¹⁵ P. Pelliot, Le Fou-nan, стр. 254.

¹⁶ Слово, обозначающее жителей Центральной Азии; в данном случае оно означает и индийскую письменность, от которой произошла письменность Камбоджи и Тямпы.

Этот текст дает понятие о местоположении Фу-нана по отношению к Тямпе, с которой он соприкасался на юге, но отстоял от нее на несколько сотен километров к северо-востоку.

Уже в начале нашей эры Фу-нан, таким образом, оказывается культурным государством, с оседлым населением, занимающимся сельским хозяйством, мореходством и ремеслами, имеющим города; существовали книги и архивы; были приручены слоны; процветало искусство резчиков. Обилие серебряной посуды и характер уплаты налога драгоценными металлами, жемчугом и благовониями указывает на богатство страны. Ее военная сила позволяла не подчиняться Китаю, хотя туда и отправлялись посольства с данью, как сказано, скорее похожей на подарки — знаки уважения.

Нам кажется, что от исследователей ускользнула весьма любопытная этническая характеристика фунанцев: очень темная кожа, очень резко, по-видимому, выраженная курчавость (современные кхмеры имеют не только курчавые волосы) и тип лица, который китайцам казался некрасивым, т. е. был для них непривычным. Вместе с обычаем ходить обнаженными — по древнему преданию ходили без одежды и женщины — все это как будто указывает на субстрат, общий с культурой островов Океании, что еще более выявляется при рассмотрении некоторых текстов, приводимых ниже.

«Нань Ци шу» («История южных Ци»), охватывающая 479—501 гг. и составленная в начале VI в. Сяо Цзы-сянь, дает ряд новых подробностей.

Для искусства Фу-нана характерны дары, посланные, согласно этой «Истории», царем Джаяварманом в V в.: изображение трона царя драконов из золота, слон из белого сандалового дерева, две ступы из слоновой кости, поднос. Было послано также золото. Далее говорится ¹⁷:

«Жители Фу-нана злы и коварны. Они силой захватывают жителей соседних городов, чтобы делать из них рабов. В качестве товаров они имеют золото, серебро, шелка. Члены знатных родов режут парчу, чтобы сделать себе саронг. Женщины пропускают голову [в материя, чтобы одеться]... Жители Фу-нана расплавляют золото, чтобы делать кольца и браслеты, и серебро, чтобы делать посуду. Они рубят деревья, чтобы строить свои жилища. Царь живет в двухэтажном здании. Они делают ограды из деревянных брусьев, поставленных стоймя. На берегу моря растет большой бамбук, листья которого имеют от 8 до 9 футов. Листья [бамбука] сплетают, чтобы покрывать жилища. Народ живет также в свайных домах. Строят корабли от 80 до 90 футов. Они имеют в ширину 6 или 7 футов ¹⁸. Перед и зад имеют вид головы и хвоста рыбы. Когда царь в пути, он едет на слоне. Чтобы развлечься, люди заставляют биться петухов и свиней. В случае спора они бросают в кипящую воду золотые кольца и яйца. Их нужно оттуда вынуть. Или они раскаляют докрасна цепь, которую нужно пронести в руках семь шагов. С рук виновых кожа сходит совершенно. Невинный остается невредимым. Или же заставляют [заподозренных] погружаться в воду. Кто неправ, уходит на дно. Есть сахарный тростник, чжу-чжо (неизвестно, что это за плод.— Ю. Л.), гранаты, апельсины, много арека. Птицы, млекопитающие те же, что и в Китае ¹⁹. Жители имеют хороший характер и не любят решать спор силой (в на-

¹⁷ P. Pelliot, Le Fou-nan, стр. 261—262.

¹⁸ Относительно фунанского флота любопытные подробности имеются в одном отрывке у Кан Тая. Морские суда достигали 96 футов в длину (если фут равнялся при У, как при Ханях, 23 см, то это соответствует 22 м). Ширина равнялась всего 6 футам, т. е. не достигала и полутора метров. G. Groslier в книге «Recherches sur les cambodgiens» (Paris, 1921) привел достаточно убедительные доказательства тому, что эти суда делались, как делаются и теперь, из выдолбленного древесного ствола.

Суда, описанные Кан Таем, по-видимому, не имели парусов. Команда состояла приблизительно из 100 гребцов, каждый из которых имел длинное весло для гребли и короткое, которым пользовались для удержания судна на месте при встречном ветре и течении, а также багор. Гребли под ритмичные крики или пение.

¹⁹ Домашние, конечно.

чале текста сказано обратное.— Ю. Л.). На них все время совершают набеги тямь, и они никак не установят связи с Цзяо-чжу [Тонкин]. Поэтому их посольства прибывают редко».

Вслед за упоминанием о некоторых исторических событиях из жизни Фу-нана, к которым мы вернемся, сообщается о беседе с китайским императором фуанского посла, который сказал: «Обычай этой страны состоит в культе Махешвары²⁰. Бог постоянно спускается на гору Мо-тань... Бог пользуется этим местом, чтобы ниспослать свою сверхъестественную силу. Все цари получают его благодеяния, и весь народ спокоен». Непосредственно за этим описанием шиваистского исповедания следует длинное перечисление совершенств буддийского Аволокитешвары. Ответ императора, ревностнейшего буддиста, еще более интересен: «Да, Махешвара (Шива.— Ю. Л.) проявляет свое чудесное могущество и изливает на эту страну свои дары. Хотя это далекие обычаи, иноземные нравы, я издали хвалю их с глубокой радостью»²¹.

Итак, подтверждается, что фуанцы были ювелирами и резчиками (это видно из украшения судов); они знали роскошь (парчевые одежды, изделия из золота и серебра). Архитектура была деревянной (поэтому от нее ничего не осталось). Дома, иногда свайные, покрывались листьями. Пища, по-видимому, была достаточно обильной и разнообразной.

Загадочно встречающееся в этом и в других текстах упоминание об обилии золота и серебра (которые в Камбодже теперь не добываются): золото не только подносится китайским императорам, но вывозится как предмет торговли, идет на украшения — видимо, не в виде исключения; употребляются золототканые одежды.

Текст еще раз подтверждает совместное существование буддизма и шиваизма.

Наконец, видно, что связь с Китаем, и без того слабая, уменьшается еще более, хотя, согласно рассматриваемому тексту, при Цзинях (265—419) и при Сунах (420—478) «эта страна [Фу-нан] регулярно платила дань [Китаю]», что может быть и не точно.

Тот же источник содержит любопытное описание переговоров Фу-нана с Китаем насчет Тямпы.

Именно в том же 484 г. в челобитной, переданной императору указанным выше послом Шакья Нагасена (Śākya Nāgasena), говорится: «Царь Фу-нана, подданный ваш Каундинья Джаяварман бьет в землю своим челом и говорит: Божественная цивилизующая сила действует с любовью. Она трогает до сверхчеловеческой глубины. Распростертый, я желаю, чтобы досточтимое тело святого владыки было преисполнено силы во всех его движениях, чтобы наследник империи наслаждался десятью тысячами блаженств, чтобы [наложницы] шести дворцов были совершенно прекрасны, чтобы лица, приставленные к ним, придворные и другие подданные, находились в совершенной гармонии, чтобы просвещенные люди десяти тысяч царств имели сердца, исполненные чувства подчиненности, чтобы пять злаков зрели в изобилии, чтобы не возникало бедствий, чтобы земля была чистой, чтобы народ процветал, чтобы все было спокойно. Ваш подданный и его народ наслаждаются в их стране изобилием и радостью. Четыре времени года следуют друг за другом в гармонии. Священнослужители и миряне очень многочисленны; это еще и от того, что они — под покровом блестящего цивилизующего влияния вашего величества, все обязаны вам счастьем. Ваш подданный еще прежде сам послал посольство, чтобы поднести вам различные вещи и вести торговлю в Кантоне».

²⁰ Пеллио в своем переводе китайских текстов иногда употребляет имена фуанских и кхмерских государей, божеств и т. д. в их более привычной для западноевропейской литературы санскритской форме (в тех случаях, когда китайское наименование может быть идентифицировано).

²¹ P. Pelliot, *Le Fou-nan*, стр. 261.

Мы не знаем текстов предшествующих по времени обращений фуанских царей к китайским императорам. Этот кажется, действительно, обращением вассала. Не исключена возможность, что текст изменен китайским придворным хроникером. Впрочем, выражения подчиненности расточались в царствах Юго-Восточной Азии когда-то с большой легкостью, а китайский император был, конечно, очень внушительной фигурой.

Затем Джаяварман в таких же униженных выражениях, принятых китайским церемониалом, просит помочь справиться со своим бывшим подданным, который узурпировал в Тямпе царскую власть: либо прогнать его из захваченной им страны, либо дать Фу-нану небольшое вспомогательное войско. Джаяварман при этом не забывает упомянуть о том, что Тямпа отказывается признавать сюзеренитет Китая, установленный в 446 г. после похода в эту страну китайского военачальника Тань Хэ-чжи.

Император отказал, отметив, что в эпоху Сунов (420—478 гг.) связь Китая с дальними вассалами была прервана. «Я только цивилизацией и добродетелью привлекаю отдаленные народы, я не желаю прибегать к оружию», — ответил император.

Яо Сы-лян в своей «Лян шу», охватывающей период 502—556 гг. (составлена в первой половине VII в.), сообщает сведения о западных и северных границах Фу-нана, показывающие, что по крайней мере его вассальные владения были очень велики; текст, к сожалению, довольно темен.

«Около южной границы, на расстоянии более 3000 ли, находится царство Дунь-сунь²², расположенное на утесистом побережье. Страна имеет не более 1000 ли. Город находится в 10 ли от моря. Там 5 царей. Все они вассалы Фу-нана. Восточная часть Дунь-суня связывает его с Цзяо-чжоу; его западная часть касается Индии, Парфии и царств крайней отдаленности. Сюда приезжают в большом количестве купцы для ведения меновой торговли. Причина в том, что Дунь-сунь делает дугу и вдается в море более чем на 1000 ли. Этот рынок является местом встречи востока и запада. Каждый день там бывает более 10 000 человек. Редкостные вещи, драгоценные товары — нет ничего, чего бы там не найти»²³.

Далее приводится ряд других интересных сведений. «Вначале в Фу-нанае был обычай ходить обнаженными, с татуировкой на теле, носить волосы на спине и не знать ни верхней, ни нижней одежды...».

«Во времена У [222—280] в страну было отправлено посольство. Мужчины ходили совсем обнаженными, женщины продевали голову [в кусок ткани]».

«Для покойников имеется 4 вида погребения: погребение водой, заключающееся в том, что [труп] бросают в речной поток; погребение огнем, заключающееся в превращении его в пепел; погребение землей, заключающееся в захоронении в могиле; погребение птицами, заключающееся в том, что его оставляют в поле. Люди имеют жадный характер, у них отсутствуют обрядность и пристойность. Молодые люди и девушки без удержу следуют своим наклонностям».

Если сюда прибавить комментарий VII в. Ли Шань к «Поэме о трех столицах» Цзо Сы (III в.), в котором говорится, что жители страны, находящейся поблизости от Фу-нана, чернят зубы, татуируют уши и являются антропофагами, и сопоставить эти указания с татуировкой фуанцев, их курчавостью, темным цветом кожи и необычностью для китайцев типа лица, — то невольно опять вспоминается Океания.

Примечательно разнообразие способов погребения, которое нам кажется признаком эклектичности культуры, тем более, что «погребение землей» могло включать разные формы.

Вновь сообщается о наличии в Фу-нанае металлов: страна «дает золото,

²² По Пеллио — на Малаккском полуострове; мы предполагаем это опровергнуть в другой работе.

²³ P. Pelliot, Le Fou-nan, стр. 263.

серебро, медь, олово, алоэ, слоновую кость, павлинов, зимородков, попугаев пяти цветов». Текст кажется убедительным и не скопированным — такого ассортимента больше нигде не встречается. Кроме золота и серебра, упоминаются медь и олово.

В связи со всем этим позволительно задать себе вопрос, не ожидая на него пока ответа: не являлись ли все эти металлы транзитными товарами или реэкспортом. Это имело бы большой интерес для определения международных связей Фу-нана. Не следует забывать, что впоследствии золото ввозилось в Камбоджу из Китая.

Кроме упомянутых выше, «Лянь шу» дает описание и других видов судебных ордалий — при помощи крокодилов и хищных животных. При религиозном синкретизме такой фанатизм вызывает законное изумление, тем более, что здесь брахманизм не имел индийской строгости и не опирался на кастовую систему: даже брамины женились на местных девушках, что отмечено для древней Камбоджи, но прошло как бы незамеченным для Фу-нана. Во всяком случае китайский текст V в. говорит: «Царство Дунь-сунь зависит от Фу-нана... В этой стране... более 1000 браминов Индии. [Жители] Дунь-сунь исповедуют их религию и дают им в жены своих дочерей. Поэтому многие [из этих браминов] не уезжают»²⁴.

Что касается исторических событий, то они, правда, очень кратко, описываются в уже цитированных «Истории Лянов» и «Истории южных Ци».

В этой последней, после рассказа о бракосочетании пришельца, обладателя волшебного лука, с фунанской девой-царицей, говорится: «Его сыновья и внуки передавали друг другу [власть] до смерти царя Бань-куана. Люди царства возвели [на престол] его главного начальника Фань-ши-маня. Фань-ши-мань захворал. Сын его старшей сестры, Чжань-му, взошел на престол и убил сына Фань-ши-маня, Цзинь-шэня. Более чем через десять лет младший сын Фань-ши-маня, Чан, восстал и убил Чжаня. Он распорол лезвием живот Чжаня, говоря: «...Некогда ты убил моего старшего брата. Ныне, во имя моего старшего брата, я мщу тебе». Тогда военачальник Чжаня, Фань Сунь, убил Чана. Люди царства возвели его в царское достоинство. Это происходило при У [222—280] и при Цзинях» (265—419).

«История Лянов» содержит больше сведений. Здесь говорится, что у Каундины, женатого на фунанской царице, от нее «был сын и он основал для него отдельный царственный удел из 7 городов. Один из его преемников, Хунь Пань-куан, при помощи хитростей посеял раздор между городами и вызвал среди них чувство подозрения. Тогда он напал на них и подчинил. Затем он послал своих сыновей и внуков управлять каждым городом в отдельности. Их звали малыми царями. Пань-куан умер в возрасте более 90 лет. На царство возвели его второго сына, Пань-паня, который препоручил ведение дел своему главному военачальнику Фань-маню. После трех лет царствования Пань-пань умер. Все люди царства выбрали Фань-маня царем. Он был храбр и способен. Он силами своих войск напал на соседние царства и подчинил их. Сам он принял титул Великого Царя Фу-нана. Затем он заставил построить большие суда и, проплыв через все Великое море, напал более чем на 10 царств ... Он раздвинул свою территорию до 5 или 6 тысяч ли. После этого он захотел подчинить царство Цзинь-линь [«Золотая Граница»]. Но там захворал и послал своего сына, наследника Цзинь-шэня, чтобы он заменил его. Сын старшей сестры Фань-маня, Чжань, был тогда начальником 2000 воинов. Благодаря им он узурпировал [престол] Фань-маня и объявил себя царем. Он послал людей обмануть Цзинь-шэня и убил его. Когда Фань-мань умер, у него был младенец-сын, по имени Чан, живший среди народа. Когда ему исполнилось 20 лет, он собрал отважных людей страны, напал на Чжаня и убил его. Главный военачальник Чжаня, Фань Сунь, в свою очередь убил Чана

²⁴ P. Pelliot, Le Fou-nan, стр. 279.

и правил государством. Он воздвиг террасы и павильоны, в которых гулял. Утром и в полдень он давал 3 или 4 аудиенции. Иностранцы и народ подносили ему в дар бананы, сахарный тростник, черепаха, птиц.

Интересен следующий отрывок той же «Истории», касающийся более раннего времени. «В эпоху У царь Фу-нана Фань-чжань послал одного из своих родственников, Су-у, в эту страну [Индию]. В Фу-нана он покинул порт Тоу-гоу-ли и поплыл вдоль большого залива. Прямо на северо-западе он вошел во многие заливы и проплыл мимо многих царств. Более чем через год он достиг устья реки в Индии. После того, как он поднялся по реке более чем на 7000 ли, они доехали. Царь Индии был удивлен и сказал: «Значит у крайних берегов Океана еще есть эти люди!». Затем он приказал, чтобы им показали царство. Сверх того он послал двух человек, из которых один Чжэн-сун, чтобы отблагодарить Фань-чжана четыремя конями [страны] Юе-чжи. И он послал Су-у и других. Они вернулись после 4 лет отсутствия. В это время [государь династии У] послал Чжун-лана Кан Тая (о котором уже была речь.— Ю. Л.) послом в Фу-нан. Он видел Чжэнь-суна и других и подробно расспросил их о стране и обычаях Индии».

В том же сочинении, наконец, говорится о втором фунанском царе Каундинье, тоже прибывшем из Индии. «Один из его [Фан Суня] преемников, Цзяо-чэнь-жу [Каундинья] вначале был индийским брамином. Сверхестественный голос сказал ему: «Нужно отправиться царствовать в Фу-нана». Каундинья обрадовался в сердце своем. На юге он достиг [страны] Пань-пань. Об этом узнали жители Фу-нана. Все царство поднялось с радостью, отправилось ему навстречу и избрало царем. Он изменил все правила согласно с индийскими порядками. Один из его преемников, Чжи-ли-то-бо-мо в царствование императора Вэнь династии Сунов [424—453] представил ходатайство и принес в дар произведения своей страны».

О посольстве Джаявармана по поводу Тямпы сказано выше. Он умер в 514 г. Последнее указание таково: «Сын одной наложницы [и Джаявармана], Лю-то-бо-мо [Рудраварман] убил своего младшего брата, сына законной жены, и сам взшел на престол». Это — последний царь Фу-нана, имя которого известно, последний царь сильной державы Фу-нана. Рудраварман отправлял в Китай послов в 517, 519, 520, 530, 535 и 539 гг.

История Фу-нана изобилует убийствами царей и узурпацией власти. Основателем величия Фу-нана, надо полагать, был Фань-мань.

Примечателен приведенный выше рассказ об обмене посольствами с Индией в III в. С. Леви считает, что фунанские послы побывали в царстве Мурунда (Muruṇḍa). Кедес подчеркивает связь этой страны с кушанским царством; существует даже мнение, что Мурунда — один из династических титулов Кушанов, которые распространили свое владычество по Гангу по крайней мере до Бенареса.

Эти посольства, надо думать, подготовили воцарение в Фу-нана в 357 г. индийца Тянь-чжу Чжань-таня, о котором уже упоминалось выше. Тянь-чжу — это Индия и имя обозначает «индиец Чжань-тань». Но С. Леви²⁵, вопреки мнению Пеллио, показал, что Чжань-тань представляет собой транскрипцию индо-скифского царского титула «шандан», применявшегося в роде Канишки.

В 357 г. при Самудрагупте вся северная Индия подчинялась Гуптам, и кушанский принц, действительно, мог эмигрировать в Индокитай.

Обращает на себя внимание второй Каундинья. Не спутал ли его китайский автор с первым? Это тем более вероятно, что второй «изменил все правила согласно с индийскими порядками». Индуизатором же обычно считается древнейший Каундинья.

Таковы китайские данные о Фу-нана, почти целиком опубликованные Пеллио в 1903 г. В 1925 г. он прибавил приведенный нами в начале отрыв-

²⁵ Silvain Lévi, Kanishka et Sātavāhana, «Journal Asiatique», janv.-mars, 1936, стр. 61—122.

вок из рассказа Кан Тая о Қаундинье, сходный с вариантом, опубликованным в 1903 г.

Санскритские надписи *in situ*, как было сказано, не представляют особого интереса. Важнейшая и древнейшая относится к III в. Маджумдар (R. S. Majumdar) считал ее тямской. Она показывает, что буддизм уже тогда был известен, что официальным языком Фу-нана был санскрит и что (как и всегда впоследствии) в лапидарных надписях употреблялась стихотворная форма.

Одна из надписей говорит об указанной выше посылке Джаяварманом индийского буддиста Нагасены в Китай; в это время два фунанских монаха копировали там санскритские тексты (что может служить в пользу предположения о слабости связей с Индией). В этой же надписи упоминается предложение Рудраварманом в дар китайскому императору волоса Будды.

Другая надпись сообщает, что Гунаварман (Gunaṅvarman), сын царя, происходивший от Қаундиньи, является владыкой земли, «завоеванной у грязи» (т. е., по-видимому, осушенной.— Ю. Л.), на которой живут люди, «питающиеся приношениями» (монахи?).

Эта надпись приводилась как принадлежащая уже Камбодже и в I томе Эмонье, и в III томе Люне де Ляжонкьера²⁶, и в статье Кёдеса 1912 г. Только в 1932 г. Кёдес отметил, что по своему палеографическому характеру она, безусловно, не может быть позднее V в.²⁷

Сохранилась надпись первой жены Джаявармана, царицы Кулапрабхавати (Kulaprabhavati), в которой говорится об ее желании удалиться от мира и создать уединенное убежище. Надпись носит вишнуистский характер. Дошла и краткая надпись одного из сыновей Джаявармана, второй половины V в.

Фу-нан пал под ударами своего северного вассала — Камбоджи²⁸, центр которого находился около Ват Пху в районе Бассака.

Кхмерские надписи упоминают о двух древнейших государях, Шрутавармане (Śrutavarman) и его сыне Шреставармане (Śreṣṭavarman), потомках отшельника Камбу, а также об их столичном городе — Шрестахатуре²⁹. Согласно надписи Баскеи Чамкронг (X в.), они «освободили жителей от цепей дани», т. е. сделались более или менее самостоятельными. После неопределенного промежутка времени царствовал Рудраварман, а непосредственно после него, в VI в., Бхававарман I, который не был сыном предыдущего, далее брат Бхававармана, Читрасена, при восшествии на престол принявший имя Махендравармана, затем его сын Ишанаварман, царствовавший в 616—627 гг. Отцом Бхававармана I был Вираварман, который, однако, не царствовал; окончание же имени показывает, что он был очень знатным лицом.

Первым из кхмерских государей напал на Фу-нан Бхававарман I, значительно увеличивший за его счет свои владения: они простирались от Станг Тренг на севере до Баттамбанга на западе и до современного Трэнга на юге.

Кем был Бхававарман? Уже в XIX в. известный ориенталист Барт (Barth) удивлялся, что надписи, говорящие об его доблести, вопреки обыкновению не сообщают об его предках.

Кёдес склонен видеть непосредственного предшественника Бхававармана I в фунанском Рудравармане, предполагая, что это — его дед и родо-

²⁶ Lunet de Lajonquière, Inventaire descriptif des monuments du Cambodge, III, Paris, 1907.

²⁷ G. Coedès, Deux inscriptions sanscrits du Fou-nan, «Bulletin de l'École Française d'Extrême Orient», XXXI, 1—2, 1932, стр. 1—12; там же и другая указанная выше надпись.

²⁸ По-китайски Чжэнь-ла: происхождение этого слова неизвестно и, по-видимому, не представляет собой транскрипции какого-либо кхмерского или санскритского слова.

²⁹ Так в анкорскую эпоху продолжал называться округ в районе Бассака.

начальник кхмерских царей, или же, что Бхававарман — представитель законной ветви фунанских государей, затеявший войну с Рудраварманом как с незаконным царем, сыном наложницы и убийцей наследника престола.

Первая гипотеза нам кажется ни на чем не основанной; вторая представляет только догадку, но очень заманчивую: если бы она оправдалась, то оказалось бы, что Бхававарман I, принц Фу-нана, не подчинил чужое царство, а занял законно принадлежавший ему престол, и не столько Камбоджа сменила Фу-нан, сколько продолжалось существование Фу-нана, но под другим именем, и Камбоджа имела бы непрерывную двухтысячелетнюю историю.

Но тут имеется серьезное препятствие. Цари Фу-нана, согласно текстам, принадлежали к «лунной» династии, а цари Камбоджи — к «солнечной», происходящей от отшельника Камбу (Kambu) и апсары Меры (Мега), данной ему Шивой (надпись Баскеи Чамкронг).

С другой стороны, надпись храма Веаль Кантеля говорит, действительно, что Бхававарман был внуком «всеобщего владыки» (Sārvabhauma), т. е. царя Фу-нана.

Наконец, надпись ангорского Та Прохма указывает, что Бхававарман I взял жену из дома Шреставармана. Кёдес предполагает, что он, фунанский принц, получил право на Камбоджу благодаря этому браку. Тогда можно было бы идти этим путем дальше и считать, что он «окамбоджился», в то же время не теряя из виду возможности воцариться и в Фу-нана, где царствовал незаконно овладевший престолом Рудраварман.

Китайские тексты Бхававармана I не знают; первое упоминание о Камбодже содержится в «Суй Шу» («История Суй», правивших в 589—618 гг.), в связи с первым посольством 616 г., отправленным Ишанаварманом. Здесь говорится³⁰.

«Чжэнь-ла находится к юго-западу от Тямпы. Вначале это было вассальное царство, зависящее от Фу-нана. Родовое имя царя было Кшатрия. Его личное имя было Читрасена (Махендраварман после восшествия на престол.— Ю. Л.). Его предки постепенно увеличивали могущество страны. Читрасена овладел Фу-наном и подчинил его. Он умер. Ему наследовал его сын Ишанасена. Он жил в городе Ишана».

Однако же и Махендраварман не вполне справился с Фу-наном. В «Новой истории Танов» (618—906), составленной в XI в., говорится: «Царь Кшатрия Ишана [Iṣana] в начале периода 627—649 гг. подчинил Фу-нан овладел его территорией»³¹.

Тут же упоминается о посольствах царей Фу-нана (у которых, видимо, осталось очень мало земли) в первой половине VII в. и указывается, что «в стране произошли большие перемены» — в частности, что столицу (Вьядхапуру, Ба Пхном) были принуждены перенести далее к югу, может быть в Анкор Бореи, который прежде принимался за древнейшую столицу Фу-нана.

Махендраварман воцарился около 600 г. (Бхававарман I еще жил в 598 г.). От него сохранились довольно многочисленные надписи на обширной уже территории; обычно это — посвящения лингамов.

Третий царь Камбоджи, Ишанаварман, оставил уже надписи в провинции Та Кео на юге и в Чантубуке на западе, тогда как надписей Махендравармана к югу от Кратие не обнаружено. Вероятно, Ишанаварман навсегда покончил с Фу-наном.

Столица Ишанавармана, Ишанapura, по-видимому, может быть отождествлена с современным Самбор Преи Кук, где сохранилось много не-

³⁰ P. Pelliot, La Fou-nan, стр. 272.

³¹ Там же, стр. 275.

больших храмов и где его надписи особенно многочисленны. К этому времени относятся надписи уже и на кхмерском языке, который изменился до наших дней сравнительно мало. Многочисленны санскритские надписи, иногда повторяющие кхмерские. Индийская культура, по крайней мере в высших слоях, была господствующей. Между прочим, надпись Вель Кантаель говорит, что брамин Сомашарман (Somāśarman), брат жены Бхававармана I, пожертвовал богу Трибхуванешваре Рамаюну и Пураны, предписав читать их вслух.

Основным культом был культ Шивы, особенно в форме лингама, а также Харихары: поклонялись и Вишну. Буддизм, по-видимому, потерял прежнее значение.

С самого начала власть царей была сильной и централизованной. Существовала сложная иерархия чиновников, функции которых, впрочем, неясны.

«Суй шу» сообщает о Камбодже времени Ишанавармана следующее³²: «Государь живет в городе, имеющем более 20 000 семей. В середине города — большой зал, в котором царь дает аудиенции и держит двор. Царство имеет еще 30 городов, в каждом из которых живет несколько тысяч семейств.

Обычай страны — ходить всегда вооруженными и в доспехах, так что малейшая ссора вызывает кровопролитные столкновения.

Наследовать престол могут только дети царицы, законной супруги царя. В тот день, когда провозглашают нового царя, изувечивают всех его братьев. У одного отнимают палец, у другого отрезают нос. Затем обеспечивают их существование, никогда не поручая им никакой должности.

Мужчины малы ростом и имеют черный цвет кожи; но многие женщины имеют белый цвет... Они совершают омовение каждое утро, затем чистят зубы маленькими кусочками дерева и не забывают произносить или читать молитвы. Они возобновляют свои омовения перед едой, после чего пользуются деревянными зубочистками и вновь произносят молитвы. В их пищу много масла, кислого молока, сахарной пудры, риса, а также пшена; из него они делают род пирога, который употребляют с мясным соком в начале трапезы.

Далее говорится, что тела покойников сжигаются, а пепел собирается в сосуды, которые бросают в поток. Иногда бедняки выставляют покойников на съедение диким зверям.

В общем обычаи Камбоджи-победительницы, вероятно, мало чем отличались от фуанских. Да и сама эта победа скорее всего была династической, не национальной; фуанский принц Бхававарман I, получивший в результате брака небольшое вассальное кхмерское княжество, как сказано, вероятно просто вернулся на престол своих предков, царей Фу-нана, «Царей Горы» (Kigun bnam).

В VIII в. Камбоджа разделилась. Когда Джаяварман II в начале IX в. добился единства страны, первой его заботой было восстановление фуанского титула, которым завладели яванские шайлендры, захватившие юг Камбоджи; этим он хотел подчеркнуть свою самостоятельность.

Возникший в связи с этим «горный» культ Девараджи, подсказанный фуанскими традициями, наложил свой глубочайший отпечаток на изумительную архитектуру Камбоджи с ее «храмами-горами», с ее жемчужинами мирового зодчества Ангкор Ватом и Байоном.

Не были потеряны и традиции фуанских резчиков: ни одна архитектура мира не знает такого поразительного по грандиозности резного в камне декора, как древняя Камбоджа.

³² G. Coedès. Les états hindouisés de l'Indochine et de l'Insulinde, Paris, 1948, стр. 128.